

Адам Михник

Дорогой Арсений!

В день рождения друзья поздравляют друзей. Позволь и мне присоединиться к кругу твоих друзей, поднимающих тост за тебя великолепной русской водкой.

Только такую водку следует пить за лучших русских.

Я желаю тебе, чтобы ты был здоров, счастлив и продолжал то прекрасное дело, каким является «Мемориал». Это твоё основание для гордости и для гордости всей русской интеллигенции – это основание для славы русской демократии.

Убежден, что мои слова – это голос всех польских друзей российской свободы, которую воплощает «Мемориал».

Я не желаю тебе успеха у женщин, потому что знаю, что с этим у тебя все в порядке.

«Мемориал» – это забота о правде памяти. Поэтому к пожеланиям ко дню рождения присоединяю свое эссе о польской памяти – о польском споре вокруг так называемых проклятых солдат – участников антикоммунистической партизанской борьбы после 1945 г.

Арсений, долгих лет здоровья, счастья и безопасности желает тебе твой польский друг.

«Проклятые солдаты»¹ в западне

Расколота польская память

Это было мрачное время, когда почти все дороги вели в никуда. Это было время, когда верность легко оборачивалась абсурдом, а реализм мог означать измену. Те, кто этого избежал, – как «проклятые солдаты», так и критики – заслуживают уважения, милосердия и благожелательной памяти.

I

Я завидую тем, кому все ясно. Тем, для кого тогдашний мир делится на героев и изменников.

Для меня все не так ясно. Польша оказалась тогда в западне.

А в западне народ, как и человек, часто ведет себя иррационально. И трудно его винить за это. Несколько лет назад я услышал от одного известного поэта: правда кроется в противоречиях.

Время «проклятых солдат» – это эпоха великого противоречия. Поэтому «проклятый солдат» по сей день раскалывает польскую память. «Для одних он символ борьбы с коммунистической властью и советской доминацией, для других вожак банды грабителей, ответственный за убийства тех, кто ему сопротивлялся».

¹ «Проклятые солдаты» – термин, которым в Польше обозначают участников послевоенного антикоммунистического подполья, с оружием в руках боровшихся против «народной власти» правящего режима советских ставленников. Примером «проклятого солдата» можно считать Мацька Хелмицкого – главного героя фильма Анджея Вайды «Пепел и алмаз».

Таково мнение современного историка об одном из командиров лесных отрядов. Кто же прав? Может быть, и те и другие?

II

Это была настоящая ловушка. Стефан Корбоньский, делегат (лондонского) правительства в стране, писал в апреле 1945 г. в центр в Лондоне: «Мы не можем остановить стихийную миграцию людей в леса. Причина: с одной стороны, массовые аресты и мобилизация в армию, с другой, – мистическая вера населения, что переживаемый период временный и вскоре Польша станет по-настоящему независимой».

III

Вспоминая те времена, Павел Ясеница написал: «Я ни минуты не верил в грядущую американо-российскую войну. Я вообще не склонен верить в абсурд. Я полагал, что мы представляем собой политическую козырную карту в руке польского Лондона, который ценой роспуска наших отрядов выторгует себе более выгодные условия в неизбежном компромиссе. В июле 1945 г. мы узнали, что союзные державы перестали признавать «польский Лондон». Следовательно, что-то вроде компромисса было достигнуто, мы же так и оставались в лесах... без каких-либо указаний».

Партизаны, герои антигитлеровского Сопротивления, оставались верны присяге, будучи лишены какой-либо жизненной перспективы. Им предлагалась капитуляция.

IV

Сталинскому режиму не нужен был компромисс. Он последовательно стремился уничтожить и скомпрометировать солдат подпольной Польши и их командиров. Ему не нужно было примирение – он хотел унижить и уничтожить. Стены домов были обклеены плакатами о «заплеванном карлике реакции».

Официальная пресса писала о «санационно-энэсзетовском» подполье: «[Оно] мобилизует все свои силы для борьбы с демократией. В условиях этой мобилизации, всякий, кто борется против демократической Польши, является хорошим союзником. Бандиты из НСЗ и ВиНа идут рука об руку с открытыми врагами Польши, украинскими бандеровцами и участниками УПА и даже с гитлеровцами из вервольфа. Те так называемые польские патриоты, которые в течение последних лет поубивали несколько тысяч поляков, ограбили 10–20 тысяч соотечественников, объединяются в борьбе против Народной Польши с теми, кто истребил не тысячи, но сотни тысяч поляков, кто мечтает о полном уничтожении польского народа».

Подпольная же пресса писала: «Мы, принесшие столько жертв, не можем позволить, чтобы в нашем государстве хозяйничали азиаты, навязывающие нам свои правила руками своих лакеев. <...> Мы хотим, чтобы Польшей правили поляки, преданные нашему делу и выбранные всем Народом. <...> Поэтому мы объявили войну на жизнь и смерть тем, кто – за деньги, ордена или должности из советских рук – убивает лучших сыновей Польши, требующих свободы и справедливости. <...> Мы никакая не банда, как нас именуют изменники и вырождающиеся нашей отчизны. Мы пришли из городов и деревень польских. <...> Мы боремся за святое дело, за свободную, независимую, справедливую и по-настоящему демократическую Польшу!»

Таков был тогда язык польско-польской войны, лишавшей человечности и дегуманизирующей общество. Для одних это была защита Польши от советского насилия, для других – защита [социальных] реформ от реакционных воинов «окопов Святой Троицы».

Тут уже не было места для противников, которые уважают друг друга. По обе стороны были враги, которых требовалось уничтожать. Поэтому в той войне было так много обоюдной жестокости.

Чудовищны описания убийств и грабежей, совершавшихся подпольем; ужасают свидетельства совершавшихся госбезопасностью пыток и казней «проклятых солдат».

Павел Ясеница писал: «Любой гражданской войне присуща одна особенность: с ходом времени она становится все более жестокой. История не знает исключения из этого правила».

Вот и Польша не представляла собой исключения. По обе стороны побеждала логика ненависти: партизанская деятельность зачастую оборачивалась бандитизмом; аппарат безопасности становился аппаратом опасности и сеятелем смерти.

Разумеется, необходимо помнить об асимметрии: по одну сторону был государственный аппарат, поддерживаемый советской мощью, а по другую – несчастные люди, лишённые руководства и реальных надежд, хотя и верные присяге и собственному представлению о благе Польши.

V

Однако сталинский режим эпохи «мягкой революции» в Польше обладал и определенной искусительной притягательностью. Он обещал земельную реформу, бесплатное здравоохранение и образование, обобществление промышленности, страну, свободную от этнических конфликтов и религиозной нетерпимости. Но одновременно этот режим открыто заявлял, что является безальтернативным. Не будет никакой войны, которая позволила бы изменить геополитические реалии. И этот аргумент убеждал очень многих.

VI

Подполье не было однородным. Наравне с людьми значительного нравственного масштаба, как Ян Жепецкий или Казимеж Мочарский, там были люди, исповедовавшие иные ценности. Такие, например, как те, кто весной 1944 г. убивал других людей антигитлеровского подполья, например, Ежи Маковецкого или Людвика Видершаля.

Теперь в подполье были и те, и другие. Первых считали наивными заблуждающимися, не разобравшимися в сути наступившей эпохи; в других видели преступников, наследников отечественного фашизма.

Один из командиров лесного отряда записал в феврале 1946 г.: «Мы предложили Орлису ударить по Парчеву и разгромить тамошних евреев, захвативших в свои руки всю торговлю, задушивших остальных мелких польских купцов и торговцев. <...> На этом деле можно будет неплохо разжиться в еврейских лавках, в особенности по части обуви, в которой мы остро нуждаемся.

<...>

Ранним вечером 2 февраля <...> приступаем к операции. «Домбеку» удалось удачно подкрасться и без единого выстрела разоружить охрану моста, состоявшую из двух еврейчиков с автоматами и пистолетами. Одним из них был сержант госбезопасности по кличке «Боцян» («Аист»), весьма подлый по отношению к полякам жидище. Направляясь дальше к отделению [милиции, и/или госбезопасности], «Домбек» захватил третьего жидка с оружием».

В свою очередь Юзеф Курась, легенда Подгалья, партизан, почитаемый одними и ненавидимый другими, писал в одной из листовок в июле 1946 г.: «С востока привозят толпы еврейства, трубя при этом, что это поляки, что они возвращаются домой, в Польшу. Этим евреев специально привозят к нам, чтобы они заняли важные посты, опять захватили всю торговлю в свои руки, чтобы сеяли коммунистическую пропаганду и, наконец, чтобы были здесь агентами НКВД. А мы их в Польше не хотим».

Тот же «Огонь», ведя переговоры с местным управлением госбезопасности, требовал «в самое ближайшее время удалить из Нового Тарга всех евреев, в противном случае он будет истреблять их безжалостно».

Можно полагать, что Жепецкий или Мочарский не могли бы без омерзения читать эти слова.

VII

Я листаю стихи тех лет, написанные выдающимся поэтом Мечиславом Яструном. В польском интеллигенте леволиберальной ориентации, перед глазами которого еще свежи были картины истребления евреев [нацистами и их пособниками], язык антисемитизма должен был вызывать презрение и страх. «Прóклятый солдат» изъяснялся на языке гитлеровской пропаганды. Яструн тогда писал:

Лица, глядящие исподлобья, как из-под шлема
железного завоевателя, в глазах — бельмо ночи.
Шелестят, по колена бродя в засохших сорняках.
Ладанка или крест на шее, в руке английское оружие.
Под мышкой теплом тела нагретый автомат ППШ,
как гадюка, откормленная свинцом, свисает.
Мундир польских солдат, в груди сердца врагов.
Ночной ветер идет с ними, друг низин.
(«Баллада о Свентокшиской пуще»)

И еще он писал:

Наган в руке лучше, чем обрез!
А братан заливается смехом.
Убийцы, альфонсы, грабители
среди танков выросли и пушек,
вскармливают их доллары из-за границы!
Сегодня жизни, завтра смерти кореш:
лицо без черт, лоб без фамилии,
посмотри ему в глаза и ужаснись вблизи.

VIII

Таковыми ли были «прóклятые солдаты»? Ведь их командующий Ян Жепецкий объяснял своим солдатам в июле 1945 г.: «Вы должны видеть перед собой четко намеченный путь и не позволить его заслонить для вас дымом чьей-либо пропаганды. В таком тяжелом положении есть только один путь: <...> верность исповедуемым идеалам свободы человека и независимости народа. Это идеалы, ради которых всегда стоит приносить жертвы. Пропускайте мимо ушей слова, а смотрите на поступки и факты! То, что соответствует вашим идеалам, — хорошо, независимо от того, от кого исходит. То, что препятствует их осуществлению, — плохо и должно быть отвергнуто.

На этом пути вы встретитесь с истинно демократическими польскими общественными силами. Двигаясь по нему, вы внесете наибольший и наиболее прочный вклад в восстановление Польши. Не дайте себя столкнуть с этого пути ни тем, кто не хочет допустить вас к делу восстановления [страны], ни тем, кто в собственных, темных, групповых, зачастую реакционных интересах намерен вас от этого дела отвлечь и склонить к его бойкоту. Не слушайте нашептываний, подталкивающих вас к бессмысленному вредительству, к созданию вооруженных отрядов, к деструктивному политическому бандитизму, боритесь с психозом диверсии в армии и агитации за дезертирство. Это все безответственные действия смутьянов, в общественном и политическом отношении вредные и полностью противоречащие неизменно конструктивной позиции Польши подпольной».

Эти мудрые слова, очевидно, не убедили Яструна. Эту позицию он комментировал страстно:

Одинокий гнев интеллигента,
того, который «Могилу Агамемнона»,
как гробницу в Вавеле, помнит,
достоин песни, но она
от него давно уже ушла:
на порыжевшем танке в фуражке
едет юная, независимая,
под жесткой блузой бьется сердце.
Пусть чернь сейчас его не судит,
он видит порывистый красный цвет,
слушает улицу, от гнева бледный.
Был по духу революционером —
«а теперь, пожалуйста – хамы правят,
ставят красную сургучную печать
на свои воззвания к обществу.
Мы мечтали не о такой [стране].
Маршал бы не отдал шпагу».
И вдруг среди люблинских улиц
проскользнет тень Октябрьской,
в оконное стекло звук заблудившейся пули
в секретный вторгнется разговор,
к воронам кафедрального храма.

После ада гитлеровской оккупации Яструн поверил, ибо хотел поверить, что в послевоенном хаосе можно обрести надежду. Поэтому писал:

Идет покрытый пылью человек,
тащит на спине дрова, срубленные
в лесу. Спросите его, он ответит:
не один век нанес ему рану.
Он кровь и соль этой земли,
из-за него давняя история причиняет боль,
он нес бремя чужих вин,
но: кто еще есть, как не народ.

Так думал тогда не только Яструн. Но поэт не бесконечно питал свои надежды. Процитированные стихи он не повторил ни в одном из своих поэтических сборников, опубликованных после 1956 г. Он хотел, чтобы [его собственные] слова «ступающие по следу волка» были забыты навсегда.

Но волки вернулись в стихотворении Збигнева Херберта, написанном через много лет в честь «проклятых солдат»:

Поскольку жили по закону волка
история глухо молчит о них
остались после них в вязком снегу
желтоватая моча и этот волчий след
быстрее чем в спину выстрел вероломный
поразило сердце мстительное отчаяние
пили самогон, ели нищету
так пытались принять вызов судьбы
уже не станет агрономом
«Цемны», а «Свит» – бухгалтером,

«Маруся» – матерью, «Гром» – поэтом,
седеют от снега их молодые головы
не оплакала их Электра
не похоронила Антигона
и будут так целую вечность
в глубоком снегу вечно умирать
проиграли свой дом в белом бору
где метет сыпучий снег
не нам писакам их жалеть
и гладить их спутавшуюся шерсть
так как жили по закону волка
история глухо молчит о них
остались навсегда в снегу
желтоватая моча и этот волчий след

Эти нелегкие в интерпретации стихи следует читать в контексте упорной полемики с Милошем, но и в контексте спора Херберта с самим собой. Ведь Херберт писал еще:

Я наконец хотел бы знать
где кончается внушение
а начинается реальная связь
не искривлены ли мы психически
вследствие пережитого в истории
и на события реагируем теперь с закономерностью истериков
или мы по-прежнему являемся варварским племенем
среди искусственных озер и электрических лесов
честно говоря, не знаю
нахожу лишь
существование этой связи
она проявляется в бледности
во внезапном покраснении
в реве и вскидывании рук
и знаю, что она может привести
в наскоро выкопанную яму
(«Размышления о проблеме нации»)

Херберт продолжал метаться в этом противоречии. Мечемся и все мы. И задаем себе вопрос: не кроется ли трагедия «проклятых солдат» также и в «реве и вскидывании рук», существовал ли тогда для этих людей какой-то разумный выход? Не были ли они приговорены к смерти в хербертовском «окровавленном узле», в «наскоро вырытой яме»? Я не знаю. Это было мрачное время, когда почти все дороги вели в никуда. Это было время, когда верность легко оборачивалась абсурдом, а реализм мог означать измену. Те, кто этого избежал, – как «проклятые солдаты», так и критики – заслуживают уважения, милосердия и благожелательной памяти.

Это было время великой беспомощности. Глядя на Польшу и на себя, Антони Слонимский зафиксировал собственное отчаяние в стихотворении «Тост»:

Повернулась с грохотом вращающаяся сцена,
Уже новую играют пьесу, а вот среди толпы
Блуждает актер, который не поменял костюм
И старые вспоминает слова давнишней пьесы.
Глухой, слепой, не взирая на то, что все меняется,
Одинокий и в сценической толкаемый толпе,
Какие-то трагические жесты делает бессмысленно

И произносит слова, которых никто уже не понимает.
Я знаю обе эти пьесы, наизусть их знаю,
Знаю актеров, костюмы, освещение, декорации
Знаю, к чему ты стремился, я тебя понимаю,
Но ты глупо сыграл. Они правы.
Смеются. Слышишь? Свистят. Сними с лица грим,
Иди домой, старина, ведь время уже позднее.
Выпьем по дороге, пока не закроют кабаки,
За освистанного старого актёра.
Выпьем за всех освистанных,
Одиноких, покинутых, неуверенных в обеспеченной старости
Проигравших, обманутых, всех забытых,
Горечью напоённых сердечных братьев наших.

Все проигравшие, обманутые, несчастливые составляют неременную часть польской судьбы, польской печальной славы и наивности, достойной прощения. Нельзя простить только подлость, замешанную на жестокости.

Я использовал следующие источники: Болеслав Дерень «Юзеф Курась «Огонь». Партизан Подгалья». Краков: Сецессия, 1995, а также «Проклятые. Вооруженное подполье 1944-1963» / выбор и обработка Марты Марковской. Изд-во Центра «КАРТА», Фонд Независимости, 2013.

*Перевод прозаической части текста – Ирина Рубанова
Подстрочник стихов – Кирилл Кожанов и Михаил Ослон*